

Философия в России: к апологии свободы

А. Л. НИКИФОРОВ

Автор выражает свое несогласие с утверждением о том, что современная отечественная философия переживает период упадка. Напротив, считает он, за последние два десятилетия в отечественной философии появились многие течения и направления, развивавшиеся зарубежной философской мыслью. Автор выражает уверенность в том, что взаимные споры и дискуссии между представителями этих направлений вскоре приведут к новому взлету отечественной философии.

Ключевые слова: философия в современной России, институциональные реформы, философское образование.

Статья В.А. Бажанова «Свободное научное творчество и его имитация в отечественной философии» носит откровенно публицистический характер и ее место скорее в газете, а не на страницах специального философского журнала. Но, может быть, такие статьи иногда и здесь полезны, ибо дают повод поговорить о более общих вопросах, выходящих за рамки эпистемологии, тем более что мы также разделяем обеспокоенность Валентина Александровича состоянием отечественной философии.

Основное содержание статьи Бажанова сводится к критике: 1) отечественного философского сообщества; 2) философских публикаций – журнальных статей, монографий, учебников и т.п.; 3) существующей системы аттестации философских кадров (точнее, ВАК и ее деятельности).

Как мне представляется, критика Валентина Александровича в значительной мере вырастает из его своеобразного представления о философии. Почему-то он склонен считать философию конкретной наукой и накладывает на нее стандарты физики или математики. Философия не соответствует этим стандартам, вот поэтому-то она и заслуживает критики. Наивность этого представления, я думаю, не нуждается в особых комментариях, а критика чаще всего бьет мимо цели.

Сурово порицает Валентин Александрович отечественное философское сообщество. Его представители мало и плохо пользуются электронными средствами связи, не проводят «электронных конференций», журналы не имеют электронных «аналогов», философы мало читают работы друг друга. Отечественные философы плохо владеют иностранными языками, поэтому не могут пользоваться электронными иностранными библиотеками и писать статьи в иностранные журналы. «Одним словом – отечественное философское сообщество в недостаточной степени структурировано и представляет собой... довольно рыхлое образование» (с. 113).

Валентин Александрович хочет видеть в философском сообществе некую единую группу, в которой каждый знает друг друга, читает работы коллег и которая сплоченным отрядом вливается в мировое философское сообщество. Неловко как-то даже говорить о столь очевидном факте, что философия в современном мире – это пестрый конгломерат самых разнообразных школ, течений, направлений – феноменологи, экзистенциалисты, герменевтики, аналитические философы, философы науки, последователи позднего Витгенштейна, постмодернисты и т.д. и т.п. Философ читает только то, что ему интересно, что требуется для размышления над проблемами, которыми он занят сегодня. Не могу представить себе философа, который с равным аппетитом поглощает труды представителей разных философских школ. Думаю, что подлинному философу должны быть отвратительны работы некоторых его коллег, а какие-то философские тексты он просто не поймет. «Если не читать работы своих коллег, – с осуждением пишет Валентин Александрович, – то получается в высшей степени “свободное научное творчество”, – творчество, не обремененное ничем иным, кроме как собственными размышлениями» (с. 113). К «собственным размышлениям» Валентин Александрович относится скептически. К сожалению, он не одинок в своем скепсисе. Многие из нас считают, что философ должен в основном переписывать работы коллег, желательно зарубежных. Поэтому «собственные размышления» – то единственное, что может внести какой-то вклад в философию, встречаются в наших работах довольно редко. Беда наша не в том, что мы не читаем философскую литературу, а в том, что мы слишком прилежно ее переписываем.

Упрек по поводу знания иностранных языков нашими философами также кажется мне не вполне справедливым. Следует иметь в виду, что если наука интернациональна, то философия – национальна. Мы не говорим о французской или английской физике, математике, биологии, но мы говорим об английском эмпиризме, о философии французского Просвещения, о немецкой классической или о русской философии. Проблемы, волнующие философов одной страны, могут казаться пустыми и бессодержательными философам других стран. Так ли уж необходимо нам – русским философам – знать английский

язык? Чтобы принимать участие в обсуждении проблем феминизма или сексуальных меньшинств, онтологического статуса возможных миров или языковых игр – проблем, интересующих англо-американских философов? Мне, например, они совершенно неинтересны, более того, кажутся схоластическими или попросту бессмысленными. Другое дело, когда речь идет о вопросах, интересных для философов разных стран. Здесь знание языка действительно необходимо, но, кажется, в последние годы положение с этим компонентом философского образования существенно улучшилось. К тому же выходит много переводов философской литературы разных стран.

Еще более строго оценивает Валентин Александрович положение с нашей печатной продукцией. Всюду серость, безграмотность, халтура. Выходят десятки, сотни журналов с бессмысленными названиями, публикующие бездарные статьи за счет пронырливых авторов. Редакции журналов не считают нужным подробно отвечать авторам, разъясняя достоинства и недостатки их работ. Учебники по логике и философии пишут и издают люди, неизвестные нашему автору, следовательно, заведомо некомпетентные. В отличие от западных журналов, отдающих от четверти до половины своего объема рецензиям на опубликованные работы, в наших журналах «отделы рецензий... занимают весьма скромное место (или вообще отсутствуют)» (с. 121). Это, по мнению Валентина Александровича, говорит о низком уровне «критической саморефлексии» отечественного философского сообщества.

От критики печатной продукции Валентин Александрович плавно переходит к критике системы аттестации научных кадров. Он обрушивается на коррупцию, царящую в университетах, в редакциях журналов, в ученых советах, на которых защищаются изготовленные на заказ диссертации, на ВАК, которая со своими списками рекомендуемых журналов никак не может справиться с недобросовестными искателями ученых степеней. Он говорит о распространении «теневой науки», которая «не соответствует этосу научного сообщества» (с. 115). Безнравственность и коррупция разъедают философское сообщество. Впрочем, Валентин Александрович упрекает в этом и социологов, и представителей других гуманитарных дисциплин: «Аналогично поступают, впрочем, не только социологи, но и историки, психологи, экономисты, эстетики, как и представители иных наук» (с. 121). В заключение Валентин Александрович предлагает большую часть философских журналов закрыть, специализированные ученые советы по защите диссертаций реформировать, число их сократить и вообще поменьше давать ученые степени и звания.

Ну что сказать по этому поводу? Да, рецензии наши по большей части носят комплиментарный характер, а критика до сих пор большинством из нас воспринимается болезненно. Да, публикуется много серых, малограмотных и невразумительных работ, встречается плаги-

ат. Да, несмотря на все усилия ВАК повысить качество диссертаций и поставить преграду недобросовестным искателям ученых степеней, уровень диссертаций постепенно снижается. Все это до некоторой степени верно и вызывает сожаление. К счастью, это лишь одна сторона нашей философской жизни, однако в ней есть и более светлые стороны, которых почему-то Валентин Александрович не замечает.

Рыхлость нашего философского сообщества вполне естественна: она воспроизводит рыхлость мирового философского сообщества. Отечественная философия сейчас в уменьшенных масштабах представляет всю мировую философию. После утраты марксизмом монопольного положения в нашей философии в ней расцвели самые разнообразные школы и направления: у нас есть последователи Гуссерля и Шюца; постмодернисты, клянущиеся именами Дерриды и Делёза; логические позитивисты, для которых до сих пор высшими авторитетами являются Карнап и ранний Витгенштейн; тихие, но настойчивые сторонники восточных философских систем; аналитические философы, представители философии лингвистического анализа, эволюционные и социальные эпистемологи и т.д. и т.п. Переводится чрезвычайно много иностранной философской литературы. Можно утверждать даже, что по количеству переводов мы превосходим сейчас любую страну мира. Не нужно ехать в США или во Францию, чтобы обсудить проблемы философской деконструкции или научного реализма: в нашем Отечестве нетрудно найти людей, компетентных в этих вещах. По-видимому, столь богатой и разнообразной философской жизни нет сейчас ни в одной стране мира.

Валентин Александрович настойчиво призывает нас равняться на западную философию, сетует на то, что наших философов плохо знают в Западной Европе и США, мечтает о вхождении в «мировое философское сообщество». Эти призывы и мечты кажутся весьма сомнительными. Если меня не интересует современная англо-американская или французская философия, то зачем мне на них равняться? Быть может, я хочу равняться на В. Соловьева или К. Леонтьева? Боюсь, я не нужен последователям Лакана или Фуко, Даммита или Деннета, да и они мне не нужны. А что касается известности наших философов в мире, то могу указать на два самых последних примера: сотрудник Института философии РАН Н.С. Автономова недавно была награждена французским орденом за свою философскую деятельность; другой наш сотрудник, М.Т. Степанянц, получила престижную международную премию за подготовку и издание Энциклопедии по индийской философии, аналога которой не было нигде в мире. Только что издана Энциклопедия по эпистемологии и философии науки, подобной которой также нет в мире. Я привел в пример двух сотрудников, работающих рядом со мной. А скольких интересных современных философов из Новосибирска, Томска, Ростова, Санкт-Петербурга – философов, работы которых известны в мире, я просто не знаю!

Коррупция, снижение профессионального уровня затронули, конечно, философию. Но ведь это язвы всего нашего нынешнего общества, всех сфер культуры! Это результат бездумной разрушительной деятельности властных элит, которым не нужны грамотные и мыслящие люди. Вот уже 10 лет при Президиуме РАН работает Комиссия по борьбе с лженаукой, ибо с естественными науками дело обстоит гораздо серьезнее, чем с гуманитарными, там лжеученые воруют у государства и простых граждан сотни миллионов. Совсем недавно образована Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Деграция в той или иной мере затронула все сферы духовной деятельности, причем философию – в наименьшей степени.

Можно спорить по поводу состояния нашей философии, обращая внимание на низкий профессиональный уровень, коррупцию, случаи плагиата, или, напротив, подчеркивая достижения каких-то коллективов или отдельных авторов. Эти споры естественны и полезны. Каждый из нас – философ – болеет за состояние нашей любимой области. Но, как мне показалось, Валентин Александрович в своей статье смотрит на философию и философское сообщество как бы со стороны. С высоты своего орлиного полета он высматривает примеры деградации, халтуры, коррупции и выносит вердикт: «Нам еще предстоит осуществить “настоящее” вхождение в мировое философское сообщество. И только после того, как имитация философии естественным образом уступит место реальной философской работе, можно будет надеяться на то, что нас будут читать и знать не только специалисты по российско-советской философской мысли. Однако это, судя по всему, произойдет не скоро» (с. 122).

Итак, мы находимся вне мирового философского сообщества, у нас нет реальной философской работы, а есть имитация философии. Я думаю, это неверно. Если в конкретных науках в связи с резким сокращением финансирования и эмиграцией значительного числа высококлассных специалистов действительно произошло снижение профессионального уровня, то в философии мы видим совершенно иную картину. Наши наиболее подготовленные и глубокие ученые никуда не уехали, они продолжают работать, преподавать здесь. Оказалось, что и снижение зарплат не заставило философов покинуть любимую область. Напротив, количество интересных, разнообразных, фундаментальных работ за последние годы значительно возросло. Недаром иногда говорят, что философия – это не профессия, это образ жизни. Поэтому внешние для философского творчества обстоятельства влияют на него не слишком сильно.

Конечно, философы – самые незащитные из деятелей культуры. Физик нужен: он изобретает оружие или мобильные телефоны; биолог ищет средства продления жизни; историк хранит память о прошлом; экономист разрабатывает способы преодоления экономиче-

ского кризиса. А зачем нужен философ, который часто не может даже внятно сказать, чем он занимается? Какую ощутимую пользу он приносит обществу? Вот и третируют философию все, кому не лень. А для меня каждый человек, размышляющий над философскими вопросами, – коллега и друг, хотя я могу с ним спорить и даже считать, что он пишет чушь (того же мнения о моих работах часто придерживается и он). За нищенскую зарплату, сидя в каком-нибудь «Тмутараканске», как изящно выражается наш автор, имея в своем распоряжении не самые свежие и лучшие пособия по философии, лишенный возможности поговорить с кем-то на профессиональные темы, он пытается внушать людям, что не хлебом единым жив человек, что есть в мире ценности более высокие, чем дорогой автомобиль или загородный особняк, что нельзя жить без любви, красоты и свободы. Как можно высказывать ему высокомерные поучения? Люди, общество, государство редко прислушиваются к философу, голос его тих и почти не слышен в реве современных средств массовой информации. Но если он умолкнет совсем, то наше общество рискует превратиться в стадо животных, руководствующихся лишь инстинктами потребления и размножения.